

ГОРНО-ТАЕЖНЫЙ АНДРОНОИДНЫЙ КОМПЛЕКС УСТЬЯ-КОЖУХА 1

И. В. Ковтун, А. В. Фрибус, С. В. Баштаннык, В. Н. Жаронкин

TAIGA-MOUNTAIN ANDRONOID COMPLEX OF USTJE KOZHUKHA 1 SITE

I. V. Kovtun, A. V. Fribus, S. V. Bashtannik, V. N. Zharonkin

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 33.1175.2014К.

В работе рассматриваются андронидные материалы местонахождения Устье-Кожуха 1 в северных отрогах Кузнецкого Алатау. На основе анализа керамических комплексов обосновывается ряд аналогий, которые позволяют установить нижнюю дату эпизодического присутствия андронидного населения в данном регионе: середина – начало второй половины II тыс. до н. э. Реконструируется особая модель взаимодействия населения на границе лесостепи и горно-таежных районов Кузнецкого Алатау в позднеандроновское время.

The paper focuses on Andronoid materials located at Ustje Kozhukha 1 site in the northern spurs of Kuznetskiy Alatau. Basing on the analysis of ceramics complexes, the authors prove a number of analogies that help define the lower date of Andronoid peoples inhabiting this area: middle – early 2nd millennium BC. The paper reconstructs the specific model of interaction between the peoples inhabiting the forest-steppe and taiga-mountain regions of Kuznetsk Alatau in the Late Andronovo period.

Ключевые слова: Кузнецкий Алатау, андроновская культура, эпоха бронзы, андронидные культуры, керамика.

Keywords: Kuznetskiy Alatau, Andronovo culture, Bronze epoch, Andronoid cultures, ceramics.

Местонахождение Устье Кожуха 1 открыто в 2008 г. Ю. И. Михайловым и А. А. Пьянзиным. Сотрудниками Института экологии человека СО РАН здесь были проведены небольшие разведочные работы [3, с. 132]. В 2010 – 2012 гг. поселение исследовалось совместным отрядом ИЭЧ СО РАН – КемГУ (рук. И. В. Ковтун, С. В. Баштаннык, А. В. Фрибус, В. Н. Жаронкин). К настоящему времени раскопано более 350 кв. м. площади памятника.

Памятник находится на границе Чебулинского и Тисульского районов Кемеровской области, на правом берегу р. Кожух непосредственно при её впадении в р. Кию. Река Кожух является последним крупным горно-таёжным притоком р. Кии перед её выходом на лесостепную равнину. Разделённое каменистой отмелью, устье Кожуха образует два рукава. В правом рукаве наблюдается реверсивное течение, где более полноводная Кия проникает вверх по течению Кожуха на расстояние приблизительно от 50 до 100 м. Поэтому на данном участке правого рукава притока Кии течение Кожуха поворачивается вспять. Визуально создаётся впечатление, что не Кожух впадает в Кию, а наоборот, Кия «впадает» в правый рукав своего притока.

Такая необычная гидрография устья Кожуха может свидетельствовать о совпадении водного пути к берегу у поселения с реверсивным течением правого рукава Кожуха. По мере прохождения данного аномального участка реверсивное течение Кожуха изменяет направление и, огибая каменистую отмель, поворачивает в левый рукав, через который устремляется обратно в Кию. Таким образом, плывущих вниз по течению Кии, у её левого берега, реверсивным течением затягивает в правый рукав Кожуха, к месту локализации поселения. Отплывающих же от этого бе-

рега р. Кожух вновь выносит в р. Кию, но уже через левый рукав её притока.

Думается такой «удобный» природный феномен не остался не замеченным в древности, что могло дополнительно повлиять на выбор места для проживания. Но ключевая причина возникновения поселения, вероятно, обусловлена проходящим по данной территории рубежом двух ландшафтных зон и гидрографией всего района. Пограничье горно-таёжной и лесостепной зон предоставляло возможность сочетания традиционных для данных районов и принципиально отличных видов хозяйственной деятельности. Одновременно занятие такого стратегического местоположения позволяло контролировать сразу две важнейшие водно-транспортные магистрали, связующие таёжные северо-восточные предгорья Кузнецкого Алатау и южную оконечность Ачинско-Мариинской лесостепи – Тисульско-Берчикульский лесостепной район.

Поселение расположено на высокой пойме р. Кожух, сложенной валунно-галечным пойменным аллювием (главным образом супеси и суглинки) на ровном участке берега, возвышающемся над урезом воды на 3 – 4 м и примыкающим к подножию коренной террасы р. Кии. В периоды половодий и ледоходов река выходила из берегов, и глина, песок, галька и валуны осаждались на прибрежных участках поймы. Вследствие такой сложной геоморфологической ситуации на памятнике отсутствует чёткая стратиграфия. Следов каких-либо жилых или хозяйственных конструкций также не зафиксировано.

В течение трёх полевых сезонов на поселении обнаружено более 2000 артефактов. Большая часть вещественных находок – изделия из камня: скребки, абразивы, песты, грузило, разнотипные наконечники стрел, ножи, а также обломки и заготовки каменных

орудий. Отходы каменной индустрии представлены многочисленными отщепами, пластинчатыми отщепами, мелкими чешуйками. Найдены спорадические свидетельства металлургического производства (?) – шлак и медные сплески. Но несмотря на наличие керамического материала близкого сейминско-турбинской эпохе, никаких художественных бронз этого периода [8, с. 69 – 71] не обнаружено. Практически отсутствуют орудия из кости и остеологический материал.

Основной массив находок представлен фрагментами керамических сосудов. Поэтому анализ керамического комплекса призван способствовать определению культурной принадлежности и хронологии Устья Кожуха 1. Керамика поселения по морфологии, технике орнаментации и орнаментальным мотивам делится на несколько культурно-хронологических горизонтов – от эпохи развитой бронзы до раннего железа. Наиболее представительным является гребенчатоямочный комплекс, с которым, по всей видимости, связана большая часть находок из камня. Вместе с тем, здесь встречаются немногочисленные, но неожи-

данные керамические серии удостоверяющие, что «стрелка» Кожуха и Кии, привлекала население пограничья лесостепи и тайги в самые разные эпохи. Одна из таких серий фрагментов керамики относится к самусьскому времени и связана с нижними стратиграфическими горизонтами памятника [9, с. 105 и др.; 7, с. 303].

Другая немногочисленная керамическая серия представляет андроновидный комплекс Устья Кожуха 1. На памятнике обнаружено десять фрагментов от шести или семи сосудов андроновидного облика. Все эти находки были сосредоточены на краю террасы, ближе к берегу Кожуха.

Четыре фрагмента от одного сосуда обнаружены в 2010 и 2012 гг. в кв. А1, Б2, Д3, Г'3', Б2', В'1'. Венчик сосуда орнаментирован миндалевидными вдавлениями, вторая зона – двумя рядами взаимонаправленных треугольников, а от третьей зоны сохранилась только разделительная полоса из горизонтального ряда диагональных оттисков мелкозубчатой гребенки (таблица 1).

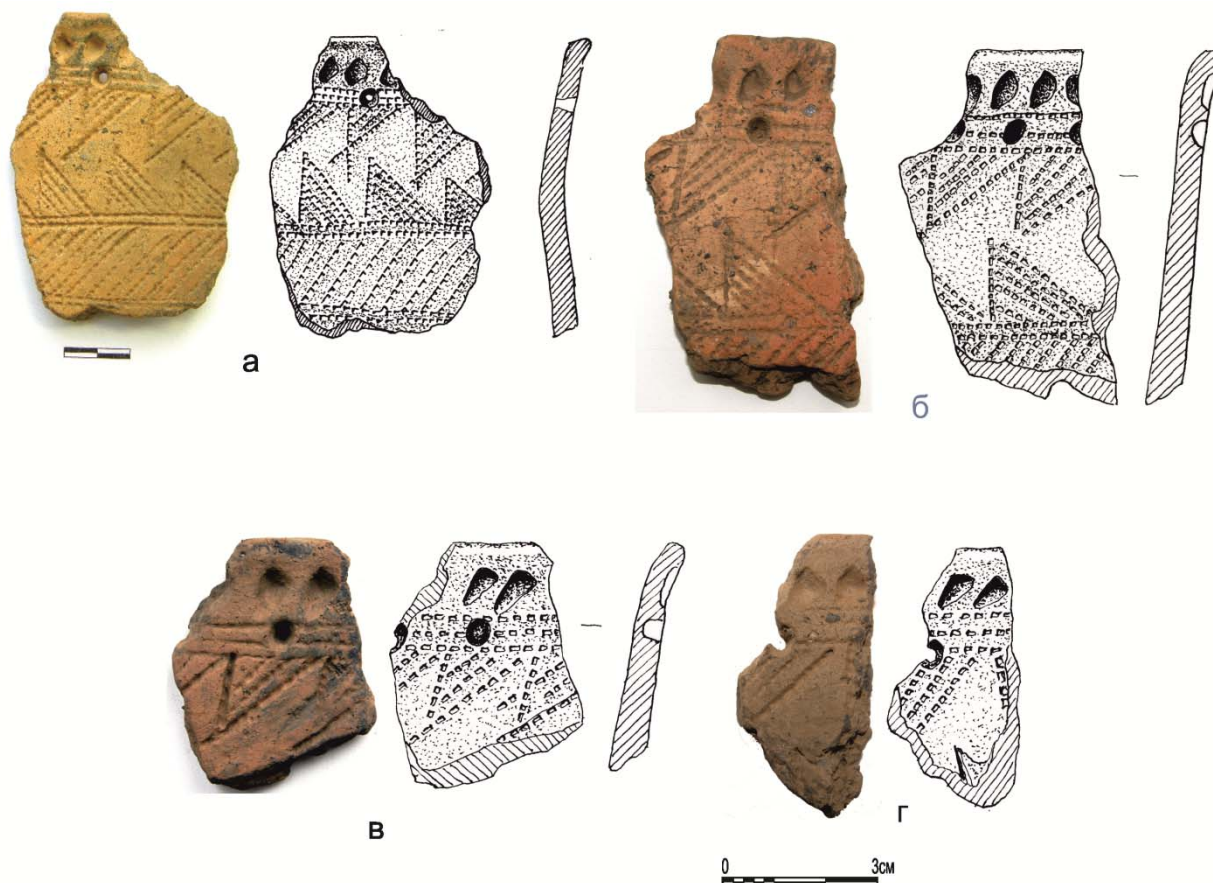

Таблица 1. Андроновидная керамика Устья Кожуха 1

В собственно андроновской орнаментальной традиции взаимонаправленные треугольники во второй зоне сочетаются с украшающими третью зону меандровыми, треугольными, зигзаговыми и «ёлочными» мотивами. Сосудов с такой схемой орнаментации довольно много. Но в композиционном решении, представленном на сосуде из Устья Кожуха 1, первая зона

декорирована не раппортом из треугольников, а иным орнаментальным элементом. Поэтому круг параллелей этой орнаментальной композиции заметно сужается. Согласно нашим наблюдениям, при подобной орнаментации венчика третья зона андроновского сосуда никогда не украшалась меандрами. При неорнаментированной или отсутствующей как самостоя-

тельный сегмент зоне венчика известны сочетания взаимонаправленных треугольников во второй зоне с двумя видами треугольных элементов (пирамидального типа и «вертикального» типа вершиной вниз), а также с зигзагом в третьей зоне. Но в случае заполнения первой зоны вдавлениями различной конфигурации, как на сосудах из Устья Кожуха 1, перечень соответствий сводится уже к единичным экземплярам, третья зона которых орнаментировалась исключи-

тельно «ёлочкой»: Томское Приобье – Вахрушево, к. 6, м. 2 (таблица 4, 1), ЕК-II, м. 80, № 3 (таблица 4, 3), Центральный Казахстан – Мыржик II, к. 1, м. 1 (таблица 4, 2). Все памятники, из которых происходят данные сосуды, относятся к числу позднеандоновских и / или андроновидных комплексов. Следовательно, и культурно-хронологическая ниша сосуда из Устья Кожуха 1 (таблица 1) соответствует времени приведённых параллелей.

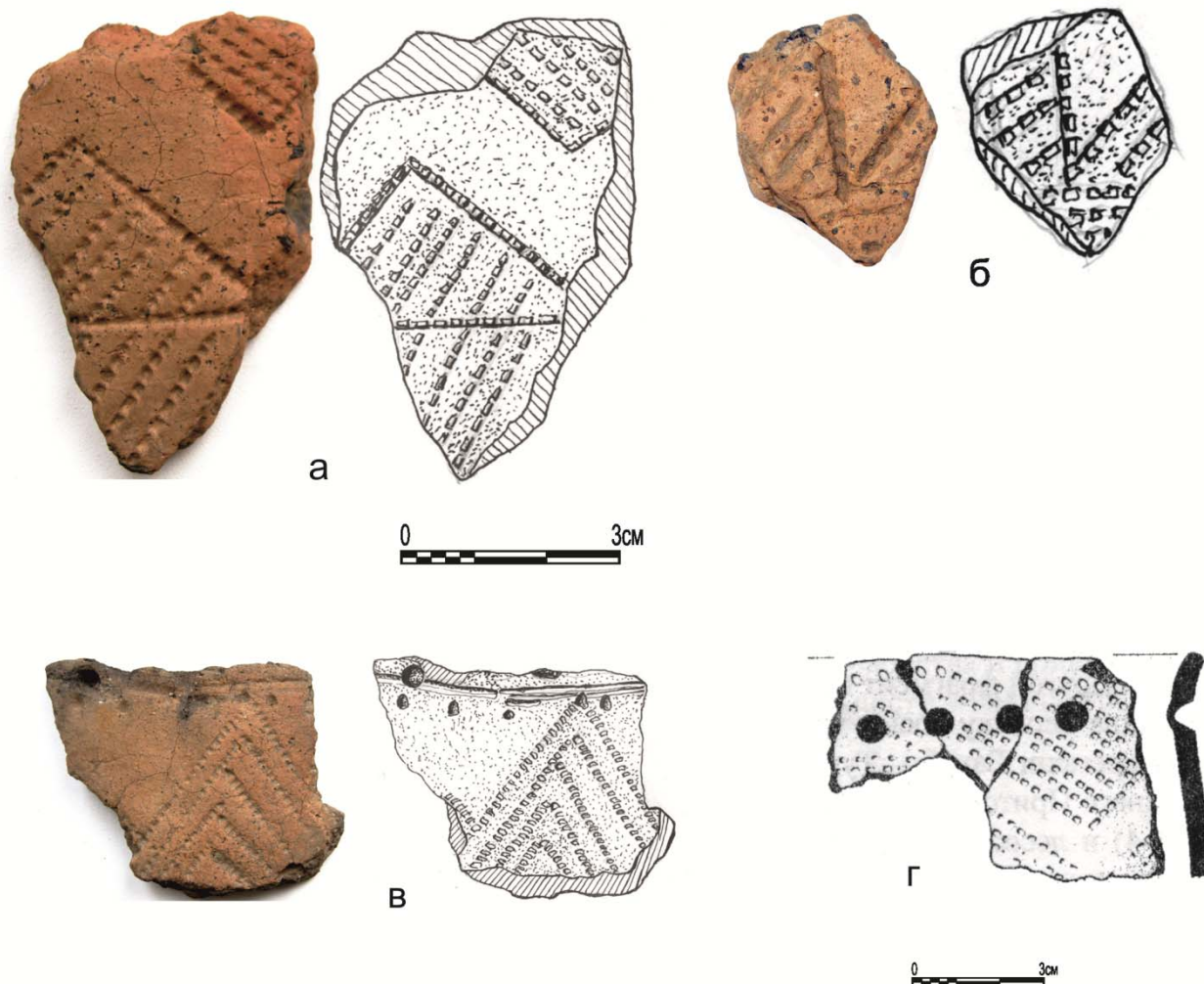

Таблица 2. Андроновидная керамика Устья Кожуха 1

Схожая орнаментальная схема, с заполнением второй зоны двумя рядами взаимонаправленных треугольников, представлена ещё на двух фрагментах от разных сосудов (таблица 2а, г). На одном из этих фрагментов венчик горшка украшен горизонтальным поясом из округлых вдавлений, нанесённых поверх слабо выраженного ряда заштрихованных треугольников. Последний элемент свойственен собственно андроновской орнаментальной схеме. Но округлые вдавления, выполненные непосредственно по горизонтальному ряду треугольников, изобличают следствие инокультурного влияния, что также удостоверяет андроновидность данного фрагмента (таблица 2г). Ещё два малоинформативных фрагмента, судя по нанесённым на них треугольникам, выполненным гребенчатым штампом и треугольникам, сочетающимся с ок-

руглыми вдавлениями, скорее всего, тоже являются частью немногочисленного андроновидного комплекса Устья Кожуха 1 (таблица 2б, в).

Особое внимание привлекают фрагменты двух венчиков от разных сосудов, но украшенные абсолютно одинаковой орнаментальной схемой. Горизонтальным рядом подовальных вдавлений окантован край устья сосудов, а сам венчик орнаментирован раппортом из треугольников, выполненных мелким гребенчатым штампом и округлыми вдавлениями между ними (таблица 3). Такое характерное сочетание и чередование орнаментальных мотивов объединяет элементы степной андроновской (треугольники) и инокультурной, возможно, таёжной орнаментации (вдавления).

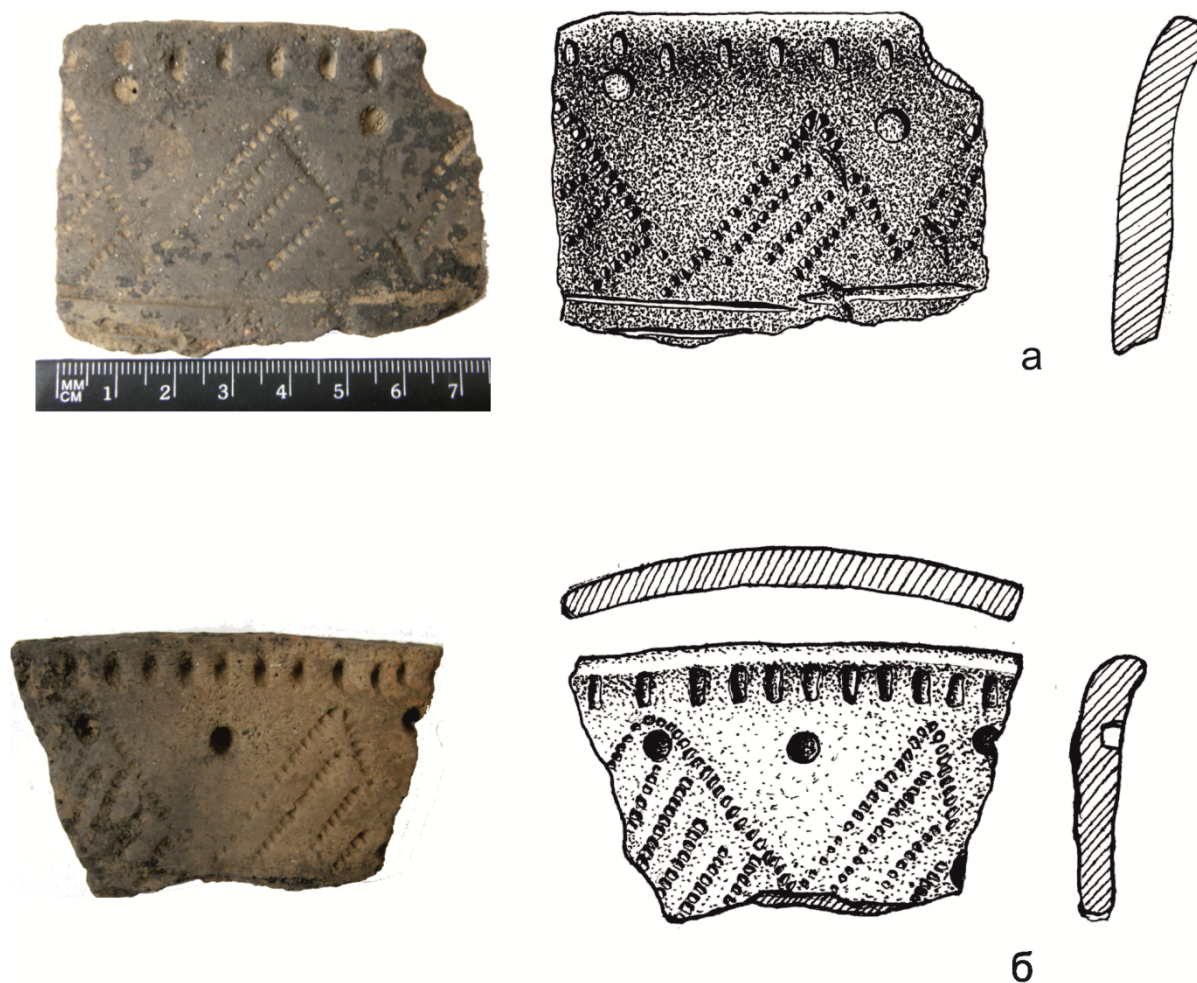

Таблица 3. Андроновидная керамика Устья Кожуха 1

Территориально ближайшие к местонахождению Устья Кожуха 1 андроновские комплексы в Тисульско-Берчикульском лесостепном районе представлены материалами Большепичугинского могильника и поселения Тамбар. В орнаментации андроновской керамики Тамбарского поселения также отмечаются ямочные вдавления, интерпретируемые авторами публикации, как дериваты орнаментальных традиций культур предшествующего времени [1, с. 24]. Похожие мотивы, проигнорированные А. И. Мартыновым и другими исследователями памятника, фигурируют и на некоторых фрагментах из андроновских (?) захоронений разнокультурного могильника Большое Пичугино [см. по: 11, с. 245, табл. IV, к, л; и др.].

Перечисленные особенности андроновидной керамики Устья Кожуха 1 как и характерные черты её параллелей, по всей видимости, отражают финальную стадию андроновской экспансии, сопровождавшуюся формированием ранних андроновидных образований [6, с. 251]. Но в отличие от сопредельных районов Кузнецкой котловины (юг Нижнего Притомья), где культурные комплексы самусьского времени никогда не сочетаются на одном памятнике с андроновидными материалами [2, с. 214 – 219; 10, с. 84 – 95], керамическая коллекция Устья Кожуха 1 демонстрирует совершенно иную картину.

Косвенные, но вполне приемлемые возможности имеются и для абсолютной датировки присутствия носителей андроновидной орнаментальной традиции на горно-таёжном местонахождении Устья Кожуха 1. Сейчас известны радиоуглеродные датировки собственно андроновских памятников с сопредельных и более отдалённых территорий. Опубликованы даты, полученные для некоторых алтайских памятников: Рублёво VIII – XVIII – XIV вв. до н. э., Чекановский Лог X – XVI – XV вв. до н. э., Манжиха V – около XV в. до н. э. К XVIII – XVI вв. до н. э. по результатам радиоуглеродного датирования отнесены грунтовые могильники Подтурино, Восход I, Телеутский Взвоз-I, а также Фирсово XIV. Однако разброс девяти фирсовских дат охватывает период с XXII до III вв. до н. э. [5, с. 256 – 258], что не добавляет уверенности в датировке могильника в целом.

На Среднем Енисее, андроновское время по ^{14}C укладывается между 1715 ± 65 и 1420 ± 40 гг. до н. э. [14, 2004, р. 88], а по другой процедуре подсчёта тех же данных – с 1610 по 1410 гг. до н. э. [4, с. 172 – 173]. В более поздней работе среднеенисейские андроновские памятники датируются по ^{14}C в диапазоне 1744 – 1407 гг. до н. э. [15, р. 251].

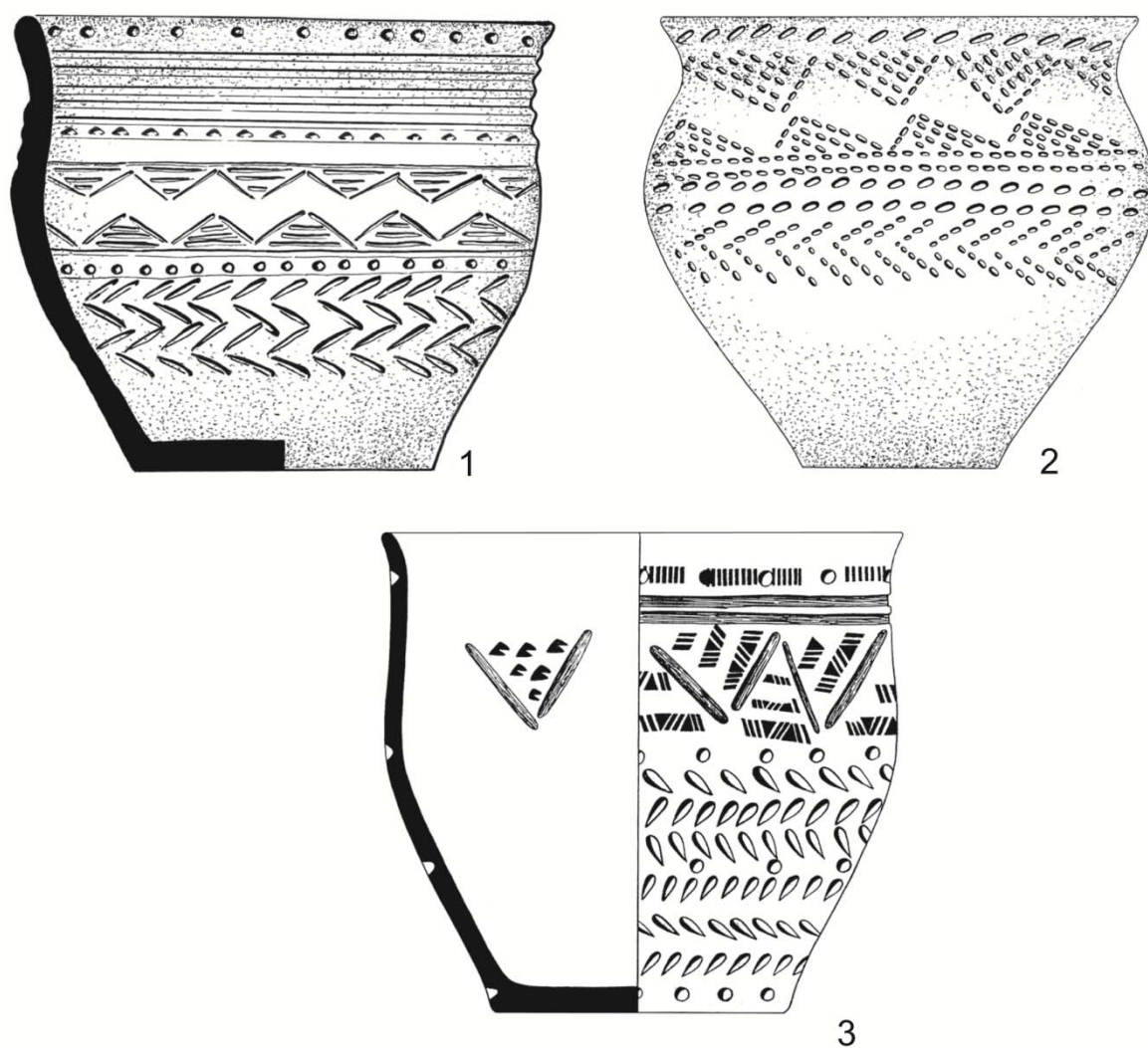

Таблица 4. Аналогии андроновидного комплекса Устье-Кожуха 1 из Томского Приобья и Центрального Казахстана: 1 – Вахрушево, к. 6, м. 2; Мыржик II, к. 1, м. 1; 3 – Еловский-II могильник, м. 80, № 3

Собственно андроновские захоронения на барабинском некрополе Старый Тартас-4 [13, с. 48 – 62] датированы по органическим материалам, которые указали на XVIII – XV вв. до н. э. [12, с. 251 – 252]. Радиоуглеродные даты синкретичного андроновско-позднекротовского комплекса могильника Тартас-1 укладываются в XVII – XIV вв. до н. э. [12, с. 251].

Судя по верхним датам перечисленных памятников, нижняя хронологическая граница андроновидного комплекса Устья Кожуха 1 не выходит за пределы середины – начала второй половины II тыс. до н. э.

Малочисленность андроновидной керамики Устья Кожуха 1 удостоверяет кратковременность присутствия здесь оставившего его населения. По-видимому, это обусловлено хозяйственной специализацией по-

следнего, не связанного с необходимостью долговременного нахождения в таёжных предгорьях Кузнецкого Алатау. Тем не менее, факт эпизодического пребывания носителей андроновидной орнаментальной традиции в столь экзотическом для них месте представляется примечательным свидетельством проникновения степняков в горно-таёжную область на границе Тисульско-Берчикульского лесостепного района и северо-восточных отрогов Кузнецкого Алатау.

Андроновидные материалы известны в различных ландшафтных зонах: в степи и лесостепи, в горных и полупустынных районах, в таёжной и подтаёжной местности. Но на Устье Кожуха 1 обнаружен единственный в своем роде и в этом качестве, вероятно, уникальный горно-таёжный андроновидный комплекс.

Литература

1. Бобров В. В., Михайлов Ю. И. Комплекс андроновской-ф культуры поселения на берегу Тамбарского водохранилища // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово: КемГУ; Кемеровский полиграфкомбинат, 1987.

2. Бобров В. В., Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Археологические комплексы в Нижнетомском очаге наскального искусства // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2009. Т. XV.
3. Герман П. В., Савельева А. С. Новые материалы эпохи бронзы северных предгорий Кузнецкого Алатау // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Аграф-Пресс, 2010.
4. Епимахов А. В. О возможности формирования единой системы хронологии бронзового века Северной Евразии // Западная и Южная Сибирь в древности: сб. науч. трудов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005.
5. Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Орлова Л. А., Папин Д. В. Хронология бронзового века на Алтае (проблемы радиоуглеродного датирования) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2007. Т. XIII.
6. Ковтун И. В. Особенности андроновской экспансии на юге Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий (материалы Международного симпозиума). Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. Т. I.
7. Ковтун И. В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
8. Ковтун И. В. Фигуративные навершия выгнутообушковых ножей сейминско-турбинского типа // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века: сб. науч. трудов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006.
9. Ковтун И. В., Баштанник С. В., Жаронкин В. Н., Фрибус А. В. Самусьское время Устья-Кожуха-1, юго-восточный фактор и «гранито-агальматолитовый путь» // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. Вып. III.
10. Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Русакова И. Д. Археологические комплексы в устье р. Долгая и культурно-хронологическая атрибуция петроглифов Новоромановской писаницы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2010 года. Кемерово, 2010.
11. Мартынов А. И. Андроновская эпоха в Обь-Чулымском междуречье // Из истории Кузбасса. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1964.
12. Молодин В. И., Марченко Ж. В., Гришин А. Е. Радиоуглеродная хронология позднекротовских и андроновских (фёдоровских) памятников центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. I.
13. Молодин В. И., Новиков А. В., Жемерикин Р. В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии, 2002. № 3(11).
14. Gersdorf J., Parzinger H., Nagler A. 14 C dating of the Siberian steppe zone from Bronze Age to Scythian time // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. Dordrecht / Boston / London: Kluwer Academic Publishers, 2004.
15. Svyatko S. V., Mallory J. P., Murphy E. M., Polyakov A. V., Reimer P. J., Schulting R. J. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // Radiocarbon. 2009. Vol. 51. № 1.

Информация об авторах:

Ковтун Игорь Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией Института экологии человека СО РАН, 8-923-567-10-50, ivkovtun@mail.ru.

Igor V. Kovtun – Doctor of History, Professor, Head of the Archaeological Laboratory, Institute for Human Ecology of the Siberian Branch of the RAS.

Фрибус Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии КемГУ, fribus@list.ru.

Alexey V. Fribus – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University.

Баштанник Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека СО РАН, 8-913-407-20-63, abai@yandex.ru.

Sergey V. Bashtannik – Candidate of History, Research Associate at the Archaeological Laboratory, Institute for Human Ecology of the Siberian Branch of the RAS.

Жаронкин Валерий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии КемГУ.

Valeriy N. Zharonkin – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 16.12.2014 г.